ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ И ХРИСТІАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОТВѢТЪ на КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ ИЗЪ КРАКОВА.

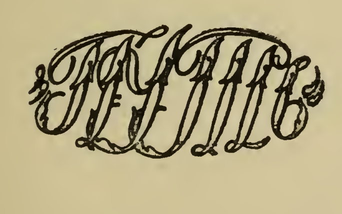

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ И ХРИСТІАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОТВѢТЪ на КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ ИЗЪ КРАКОВА.

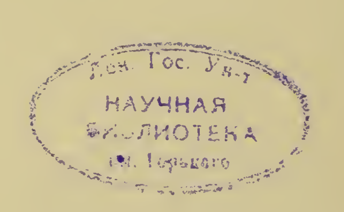
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
Г. А. РАЧИНСКАГО

съ приложеніемъ отрывка изъ письма епископа Штроссмайера кардиналу Рамполлѣ и предисловіемъ
кн. Е. Н. ТРУБЕЦКАГО.

МОСКВА—1913.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА,
Москва. Леонтьевскій пер., д. 5.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемыя здѣсь впервые въ русскомъ переводѣ статьи В. С. Соловьева, помѣщенныя имъ въ 1888 году во французскомъ католическомъ журналѣ l'Univers *), а также письмо отъ того же года друга Соловьева—боснійскаго католическаго епископа Штроссмайера—къ кардиналу Рамполлѣ **),—въ то время государственному секретарю папы Льва XIII-го—представляютъ собою доселѣ неизвѣстный русскому читателю и притомъ весьма цѣнный матеріалъ для сужденія объ отношеніи покойнаго русскаго философа къ католицизму и папѣ.

Всѣ эти документы, вмѣстѣ взятые, бросаютъ яркій свѣтъ на его вѣроисповѣдную точку зрѣнія. Съ одной стороны, епископъ Штроссмайеръ рекомендуетъ его апостольскому престолу какъ

*) №№ отъ 4, 11 и 19 августа и 22 сентября 1888 года.

**) Мнѣ удалось получить копію съ этого письма изъ архива Ватикана въ 1910 году, благодаря любезности тогдашняго помощника государственаго секретаря папы Пія X-го, монсиньора Бенини.

человѣка, всю душу положившаго на то, чтобы привести Россію въ лоно святой католической церкви, и имѣющаго испросить благословеніе папы этому святому своему намѣренію. Съ другой стороны, поражаетъ та парадоксальная черта въ судьбѣ Соловьева, что его предположеніе пріѣхать въ Римъ такъ и осталось невыполненнымъ. Едва ли этой поѣздкѣ могли помѣшать какія-либо матеріальныя или иныя внѣшнія препятствія: Соловьевъ часто бывалъ за границей; какъ разъ въ 1888—1889 году, въ самый разгаръ своего увлеченія католицизмомъ, онъ ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ вращался въ католическихъ и, въ частности, іезуитскихъ кругахъ и издавалъ свои книги—«L'Idée Russe» и «La Russie et l'Eglise Universelle». Въ то же самое время папа Левъ XIII, страстно мечтавшій объ обращеніи Россіи и увлеченный мыслью о соединеніи церквей, несомнѣнно, о немъ зналъ и имъ интересовался; официіальное письмо Штроссмайера къ кардиналу Рамполлѣ было ему доложено вмѣстѣ съ брошюрой Соловьева L'Idée russe *); въ

*) Въ Ватиканѣ мнѣ съ трудомъ удалось отыскать его; въ мѣстѣ, гдѣ оно должно было находиться, была вмѣсто него только помѣтка о его перемѣщеніи. Повидимому, оно много читалось. Лица, близкія къ Ватикану, объяснили мнѣ это тѣмъ, что папа Левъ XIII-й, особенно горячо принимавшій къ сердцу вопросъ о соединеніи Церквей, сообщалъ каждый относящійся до него документъ множеству высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ. Доку-

бесѣдѣ со мною послѣдній прямо заявилъ, что покойный папа зналъ о дѣятельности Соловьева. Послѣ письма Штроссмайера нашего философа несомнѣнно ожидалъ самый милостивый пріемъ въ Римѣ. По словамъ кардинала Рамполлы, папа, прослушавъ письмо Штроссмайера, воздалъ Соловьеву одобреніе и хвалу и горячо молился *). Отъ самого Соловьева я слышалъ, что на какой-то докладъ о немъ папа отозвался словами: «вотъ овца, которая, надо надѣяться, скоро войдетъ во дворъ овчій».

Все это вмѣстѣ дѣлаетъ еще болѣе загадочнымъ тотъ фактъ, что поѣздка не состоялась. Мнѣ всегда казалось, что этому мѣшаютъ какія-то внутреннія психическія препятствія. Помнится, однажды я сказалъ Соловьеву: «поѣзжай въ Римъ, и возвращайся оттуда Лютеромъ»; онъ тоже отвѣтилъ мнѣ что-то въ шуточ-

---

ментъ многократно переходилъ изъ рукъ въ руки и по пути иногда затеривался. Поэтому мнѣ сначала дали мало надежды на отысканіе письма Штроссмайера и оно явилось неожиданностью для самихъ искавшихъ.

*) Отвѣтное письмо Рамполлы Штроссмайеру цитируется у M. d'Herbigny, Un Newmann russe, — Wladimir Soloviev, 247. — Когда папѣ были предъявлены брошюра Соловьева и письмо Штроссмайера, Sanctitas sua, quae omnes populos ad Christi ovile reducere intense cupit, et probavit et laudibus prosecuta est, ac Deum ferventer orat, qui id munus omnipotenti sua gratia, hoc miraculum patrare potest, ut communia desideria exaudiat.

номъ тонѣ; настоящаго, серьезнаго отвѣта я отъ него никогда не получилъ.

Нѣкоторый отвѣтъ я нахожу теперь, послѣ его смерти, въ печатаемыхъ здѣсь въ переводѣ съ французскаго статьяхъ покойнаго философа. По Штроссмайеру, онъ—«всей душою и всѣмъ сердцемъ католикъ». Едва ли, однако, его точка зрѣнія могла бы быть признана вполнѣ ортодоксальной съ точки зрѣнія болѣе требовательной римской куріи.

Дѣло въ томъ, что Соловьевъ считалъ возможнымъ быть вполнѣ католикомъ, не переставая быть въ то же время и вполнѣ православнымъ. Онъ просто-напросто отрицалъ самый фактъ дѣйствительнаго раздѣленія церквей, допуская, что раздѣленіе существуетъ только на поверхности и не касается самой внутренней сущности церковной жизни; въ доказательство онъ ссылался на то, что ни римская церковь не была когда-либо отлучена какимъ-либо православнымъ вселенскимъ соборомъ, ни церковь восточная, какъ цѣлое, не была отлучена какимъ-либо непогрѣшимымъ, съ католической точки зрѣнія, авторитетомъ. Въ помѣщаемомъ ниже «отвѣтѣ на корреспонденцію изъ Кракова» онъ категорически заявляетъ, «что Россія не состоитъ въ формальномъ и правильномъ раздѣленіи съ католическою Церковью, что въ этомъ отношеніи она пребываетъ въ неопредѣленномъ и ненормальномъ состояніи,

въ высшей степени благопріятномъ для дѣла соединенія»*).

Съ этой же точки зрѣнія составленъ первый тезисъ въ концѣ той же статьи **): «русская религія, если понимать подъ этимъ терминомъ вѣру народную и богослуженіе, вполнѣ православна и каѳолична». Замѣчательно, что редакція іезуитскаго журнала, печатая отвѣтъ Соловьева краковскому своему корреспонденту, позаботилась снять съ себя отвѣтственность осторожнымъ примѣчаніемъ: «Владиміръ Соловьевъ обратился къ намъ съ нижеслѣдующимъ письмомъ по поводу нашей корреспонденціи изъ Кракова отъ 18 сентября. Мы помѣщаемъ его, не вступая въ споръ съ нашей стороны».

Дипломатическая редакція, которая хотѣла въ одно и то же время и привлечь Соловьева и не оттолкнуть отъ себя польскаго ультрамонтанства, сочла возможнымъ напечатать на столбцахъ своего журнала, «не вмѣшиваясь въ споръ», оба противоположныхъ тезиса: и мнѣніе Соловьева, что православная Церковь «истинно каѳолична», и мнѣніе его противника, что «даже трудно признать такъ называемое православіе за христіанскую религію».—Для самого папы Льва XIII-го такая дипломатія была бы, очевидно, не-

*) Стр. 41.
**) Стр. 45.

возможна; при свиданіи съ Соловьевымъ, просившимъ благословенія и утвержденія въ своихъ намѣреніяхъ, онъ долженъ былъ бы сказать этимъ намѣреніямъ да или нѣтъ. Могъ ли онъ признать, что православіе «истинно каѳолично?» Не былъ ли бы Соловьевъ при этомъ свиданіи, въ свою очередь, вынужденъ сдѣлать выборъ между тою и другою Церковью?

На аудіенціи у папы вопросъ долженъ былъ бы быть поставленъ чрезвычайно остро.

Изъ печатныхъ заявленій Соловьева мы знаемъ, что онъ признавалъ единоличный переходъ изъ православія въ римское католичество такъ же, какъ и внѣшнюю унію, не только безполезнымъ, но даже и прямо вреднымъ *); это убѣжденіе было неразрывно связано съ самымъ существомъ его воззрѣній на церковный вопросъ. Перейти въ римскую вѣру для него значило—дѣломъ заявить о томъ, что церковь восточная перестала быть каѳоличною, что она не на поверхности своего существованія только, а всѣмъ существомъ своимъ отдѣлилась отъ вселенскаго единства. Иными словами, съ его точки зрѣнія это значило утверждать и тѣмъ самымъ поддерживать вѣроисповѣдный раздоръ. Между тѣмъ, Соловьевъ въ восьмидесятыхъ годахъ считалъ себя прежде всего пророкомъ соединенія церквей; понятно, что при

*) Письма, III, 172.

этихъ условіяхъ единоличный переходъ въ католицизмъ для него былъ бы равнозначительнымъ отказу отъ того, въ чемъ онъ видѣлъ свое религіозное призваніе, задачу всей своей жизни. А между тѣмъ этотъ переходъ представлялъ собою то самое, чего могъ, а можетъ быть и долженъ былъ потребовать отъ него папа.

Если бы даже Соловьевъ не отдавалъ себѣ отчета въ опасности въ минуту, когда онъ добивался аудіенціи у Льва XIII черезъ Штроссмайера,—знакомство съ сильными въ западной церкви ультрамонтанскими теченіями должно было навести его на сомнѣнія. Это дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ тѣ побужденія, которыя воздержали его отъ поѣздки въ Римъ. Какой-то внутренній голосъ, быть можетъ и не вполнѣ перешедшій въ сознаніе, заставилъ его предпочесть свободу своего пророческаго служенія Церкви непогрѣшимому рѣшенію преемника св. Петра.

Тѣмъ самымъ получаетъ яркое освѣщеніе утопичность того замысла,—которому въ то время Соловьевъ отдавалъ всѣ свои силы. Извѣстно, что именно въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія философъ мечталъ о всемірной христіанской теократіи, которая должна была осуществиться черезъ свободный союзъ трехъ высшихъ въ христіанскомъ мірѣ властей: римскаго первосвященника, православнаго царя и

пророка. И вотъ, въ дѣйствительности, самая встрѣча непогрѣшимаго первосвященника съ свободнымъ пророкомъ оказалась опасной или даже невозможною: для Соловьева она была бы сопряжена съ неизбѣжной утратой свободы. Понятно, что онъ предпочелъ мечтать о Римѣ въ отдаленіи. Такимъ образомъ, онъ спасъ любимую мечту; но это, разумѣется, было возможно только цѣною внутренняго противорѣчія. Ибо, разъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ въ непогрѣшимости намѣстника св. Петра, онъ, казалось бы,— былъ обязанъ отдать ему на судъ свои намѣренія и замыслы, касающіеся Церкви. Разъ онъ видѣлъ спасеніе христіанства во взаимодѣйствіи святительскаго и пророческаго служенія, онъ долженъ былъ добиваться этого взаимодѣйствія.

Эпизодъ этотъ интересенъ для насъ и съ другой стороны. Въ Россіи Соловьевъ извѣстенъ какъ горячій апологетъ католицизма. Изъ напечатаннаго здѣсь отвѣта краковскому корреспонденту русскій читатель впервые познакомится съ нимъ, какъ съ защитникомъ православія противъ ультрамонтанскихъ нападокъ. Мало того, именно приверженность его къ восточной Церкви, съ которой были связаны духовные корни его существа, спасла его духовную свободу и избавила его отъ опасности облатыненія. Несмотря на исходящія отъ

государственной власти стѣсненія свободы устнаго и печатнаго слова, свободное пророчество Соловьева все-таки оказалось возможнымъ въ церкви православной; между тѣмъ трудно себѣ представить, какъ могла бы сохраниться самостоятельность его духовнаго облика при условіи облатыненія. Тутъ онъ долженъ былъ бы отказаться отъ самаго для него дорогого,—отъ мечты о внутреннемъ органическомъ синтезѣ, т.-е. о такомъ соединеніи обѣихъ половинъ вселенскаго христіанства, при которомъ сохранились бы индивидуальныя особенности той и другой. Стать проповѣдникомъ латинизаціи для Соловьева значило бы отказаться отъ самаго смысла своей проповѣди и утратить всякое значеніе.

Сравнительно менѣе новаго даетъ первая и самая обширная изъ печатаемыхъ здѣсь статей.

Нѣсколько страницъ изъ этой статьи было нѣсколькими мѣсяцами спустя перепечатано самимъ авторомъ въ его книгѣ «La Russie et l'Eglise Universelle» (Россія и Вселенская Церковь), недавно переведенной на русскій языкъ *). Въ статьѣ этой новы для русскаго читателя не мысли ея

*) Ср. «Россія и Вселенская Церковь», изд. книгоиздательства «Путь», Москва, 1911, стр. 159—161, 152—158 и стр. 26—35 настоящей брошюры.

автора о христіанской и, въ частности, о русской государственности, а нѣкоторыя иллюстраціи этихъ мыслей. Въ особенности цѣнною представляется здѣсь яркая характеристика св. Владиміра, въ которомъ Соловьевъ, какъ извѣстно, видѣлъ прообразъ будущаго истинно христіанскаго пониманія государственности и залогъ мессіаническаго будущаго Россіи.

Помнится, что эту самую характеристику я слышалъ на его лекціи о славянофилахъ, произнесенной въ Москвѣ въ зданіи Политехническаго Музея въ 1887 году. Лекція эта, сколько мнѣ извѣстно, никогда и нигдѣ не была напечатана по цензурнымъ соображеніямъ. Только теперь оказывается возможнымъ пополнить этотъ пробѣлъ посредствомъ перевода съ французскаго.

Кн. Евгеній Трубецкой.

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ И ХРИСТІАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

I

Офиціальная Россія офиціально отпраздновала на этихъ дняхъ девятисотлѣтіе крещеніе Владиміра Святого. Высшая бюрократія Петербурга, прибывшая въ Кіевъ на сей предметъ, приложила всѣ свои старанія къ тому, чтобы достойно ознаменовать этотъ великій юбилей. Надо отдать ей справедливость. Уже самый выборъ этого событія для прославленія представляетъ извѣстную заслугу и указываетъ на чутье истины и правды. И если въ этомъ выборѣ и замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность, то во всякомъ случаѣ это—непослѣдовательность заслуживающая уваженія. Еще недавно было торжественно заявлено, что государственный абсолютизмъ есть истинная основа и сущность, какъ православной вѣры, такъ и исторической жизни русскаго народа; при этихъ условіяхъ можно было бы пріурочить великій націо-

нальный юбилей къ другимъ годовщинамъ, а не къ 988-му году, и къ другимъ личностямъ, а не къ Владиміру Святому, который, надо признаться, стоитъ въ весьма слабой связи съ той политической системой, превознесенію которой были посвящены кіевскія рѣчи. Если абсолютизмъ свѣтской власти есть единственное начало нашего національнаго бытія, то вѣдь можно указать въ русской исторіи такіе случаи торжества этого начала, которые никому и въ голову не придетъ оспаривать. Развѣ не оно торжествовало въ тотъ день, когда Иванъ IV задушило въ лицѣ святого Филиппа, митрополита, голосъ христіанской совѣсти, возставшей противъ произвола неограниченной власти? Но не въ царствованіе иступленнаго Ивана IV, а столѣтіемъ позже, при тишайшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (отцѣ Петра Великаго), московскій абсолютизмъ завершилъ свою побѣду одновременнымъ подавленіемъ церковной свободы, выступившей въ послѣдній разъ въ лицѣ великаго патріарха Никона, и свободы религіозной, представленной старовѣрами, которыхъ во множествѣ сжигали за ихъ привязанность къ старымъ обрядамъ. 1681 годъ видѣлъ смерть двухъ могущественнѣйшихъ противниковъ неограниченной государственности, на смерть враждовавшихъ въ своемъ жизненномъ дѣлѣ, но объединенныхъ передъ насиліемъ гнавшаго ихъ Государства и павшихъ вмѣстѣ съ независимою Цер-

ковью, двумя полюсами, которой они были: въ то время, какъ патріархъ Никонъ, надменный поборникъ іерархическаго начала первосвятительской власти, сраженъ былъ тяготой и униженіями изгнанія, его бывшій противникъ, протопопъ Аввакумъ, смѣлый и буйный вождь староверовъ, истинный представитель религіозной свободы русскаго народа, взошелъ на костеръ въ градѣ царей. Если ужъ говорить о достопамятной годовщинѣ, о великой эпохѣ въ исторіи русскаго цезаропапизма, то прежде всего слѣдуетъ указать на этотъ годъ. Однако петербургская бюрократія упустила отмѣтить въ 1881 году какимъ-либо особымъ празднествомъ великое торжество, которому она обязана своимъ настоящимъ существованіемъ. Истинно христіанская Россія будетъ ей благодарна за это упущеніе, а также за тѣ похвальныя усилія, которыя она приложила къ прославленію Владиміра Святого.

Но, въ концѣ концовъ, мы можемъ дать только то, что у насъ есть. И, несмотря на присутствіе сербскихъ государственныхъ людей, столь извѣстныхъ вообще своимъ религіознымъ рвеніемъ; несмотря на поздравленія англійскихъ протестантскихъ епископовъ; несмотря даже на прибытіе изъ Абиссиніи двухъ священниковъ-монофизитовъ, юбилей православной Руси не ознаменованъ былъ никакимъ дѣломъ, и въ Кіевѣ не сказано было ничего, внушеннаго вселенской

истиной откровенной религіи, глубокими порывами національной души, или, по крайней мѣрѣ, вѣрной памятью о нашемъ первомъ христіанскомъ князѣ. Абсолютно безплодная въ порядкѣ духа и идей, петербургская бюрократія организовала общественную манифестацію по образу и подобію своему, рядъ офиціальныхъ церемоній, вызывающихъ скорѣе воспоминаніе о византійскомъ упадкѣ, чѣмъ о зарѣ юной націи. Мы усчитываемъ добрыя чувства, которыя имѣлось въ виду засвидѣтельствовать по отношенію къ христіанской религіи, даже если она представлена англійскими reverends и абиссинскими приносителями жертвъ. Но этихъ добрыхъ чувствъ еще недостаточно, чтобы дать право нашимъ бюрократамъ торжественно выступать въ качествѣ истинныхъ представителей всей Россіи. Напрасно позволяютъ они себѣ говорить отъ имени русскаго народа, когда имъ нечего сказать, когда они не желаютъ понять прошлое этого народа и не могутъ ему открыть его будущаго. Впрочемъ, если они грѣшатъ самонадѣянностью и высокомѣріемъ, то этотъ грѣхъ, какъ и всѣ остальные грѣхи, несетъ съ собой и соотвѣтственную кару. Ибо чѣмъ болѣе самоутверждается пустое бытіе, тѣмъ яснѣе становится пустота его.

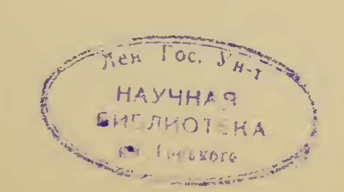
Два лица, занимающія высокое положеніе, два русскихъ государственныхъ человѣка изъ ряду вонъ выходящаго ума и безспорнаго благо-

честія и патріотизма, графъ Игнатьевъ и Побѣдоносцевъ,—выразили публично свои чувства по поводу девятисотлѣтія христіанства на Руси. И тотъ и другой окончательно не поняли и до странности исказили истинный смыслъ великаго событія, которое они желали прославить,—и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ личнымъ ихъ заблужденіемъ. Но какъ, согласно христіанскому ученію, существуетъ милость божія, связанная съ извѣстнымъ положеніемъ (grâce d'état), такъ должна существовать и связанная съ извѣстнымъ положеніемъ немилость (disgrâce d'état).

Графъ Игнатьевъ*), предсѣдатель панславистскаго или вѣрнѣе панрусистскаго комитета, утверждалъ, что Владиміръ Святой принялъ христіанскую религію съ той цѣлью, чтобы всѣ славянскіе народы заговорили въ одинъ прекрасный день по русски и образовали единую націю и единое государство. Побѣдоносцевъ, бюрократическій глава государственной Церкви, провозгласилъ, что обращеніе Владиміра Святаго имѣло своей конечной цѣлью основаніе самодержавія и цезаропапизма русской имперіи. Немилость, связанная съ извѣстнымъ положеніемъ, въ данномъ случаѣ настолько очевидна,

*) Рѣчь графа Игнатьева была произнесена не въ Кіевѣ, а въ Санктъ-Петербургѣ, въ торжественномъ засѣданіи славянскаго общества.

что мы не считаемъ нужнымъ распространяться далѣе по сему предмету.

Но такъ какъ историческое событіе, создавшее христіанскую Россію уже получило свою оцѣнку съ точки зрѣнія панславистской и съ точки зрѣнія цезаропапистской, намъ остается лишь разсмотрѣть его съ христіанской точки зрѣнія. Такой взглядъ на предметъ имѣетъ еще и то преимущество, что онъ совпадаетъ съ исторической точкой зрѣнія. Ибо исторически несомнѣнно, что Владиміръ Святой, въ эпоху своего обращенія, не думалъ ни объ обрусеніи славянскихъ народовъ, ни объ увѣнчаніи цезаропапизма величественнымъ учрежденіемъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода въ Санктъ-Петербургѣ: принимая крещеніе и приглашая народъ послѣдовать его примѣру, онъ хотѣлъ лишь статъ христіаниномъ и сдѣлатъ русскихъ христіанской націей.

И для того чтобы узнатъ, какъ кіевскій князъ понималъ христіанство, намъ нѣтъ надобности искажатъ исторію и навязыватъ бѣды и неправды нашей эпохи не знавшему ихъ прошлому. Мы ограждены отъ немилости, связанной съ извѣстнымъ положеніемъ, и ничто не мѣшаетъ намъ попросту обратиться къ древнему лѣтописцу Нестору, который въ дѣтствѣ своемъ встрѣчалъ современниковъ Владиміра Святого и лучше, чѣмъ бюрократы нашихъ дней, могъ понятъ и оцѣнитъ истинныя

чувства князя и его народа. Впрочемъ, намъ и не остается другого выбора, ибо лѣтопись Нестора есть единственный источникъ, сообщающій намъ подробности величайшаго событія нашей исторіи. Итакъ посмотримъ, что монахъ кіевскихъ пещеръ говоритъ намъ о Владимірѣ Святомъ, его обращеніи и его христіанскомъ идеалѣ.

II.

Княгиня Ольга,—читаемъ мы въ древней русской лѣтописи,—крещеная въ Константинополѣ около 950 года, непрестанно увѣщевала своего сына Святослава *) послѣдовать ея примѣру говоря ему: «Сынъ мой, я познала Бога и радуюсь если ты познаешь, и ты радоваться начнешь». Но суровый воинъ не хотѣлъ и слушать и вмѣсто всякаго отвѣта восклицалъ: «Какъ я одинъ приму чужой законъ?! Да дружина моя начнетъ смѣяться надо мной».

*) Святославъ, отецъ Владиміра Святого, былъ сыномъ Игоря и внукомъ Рюрика, перваго скандинавскаго князя, призваннаго въ 862 году новгородскими славянами княжить надъ ними. Послѣ смерти Рюрика, его родственникъ Олегъ (Олафъ), правившій въ годы несовершеннолѣтія Игоря, направился къ югу и перенесъ въ Кіевъ столицу русскихъ князей.—Святославъ имѣлъ двухъ сыновей отъ жены гречанки и третьяго, рожденнаго отъ мѣстной рабыни. Этимъ послѣднимъ и былъ Владиміръ Святой.

Такимъ образомъ, уже при самомъ началѣ нашей исторіи, появляется, какъ главное препятствіе къ истинному прогрессу Россіи, этотъ слѣпой націонализмъ, который безъ всякаго предварительнаго разсмотрѣнія отбрасываетъ все чужое. Благодаря Богу, взглядъ Святослава не одержалъ верхъ, и въ настоящее время даже наши офиціальные патріоты, хотя и раздѣляютъ въ глубинѣ своей души воззрѣнія языческаго князя, но все же изъ приличія принуждены прославлять прямо противоположные взляды Владиміра Святого. Они даже и не замѣчаютъ, повидимому, что съ ихъ націоналистической точки зрѣнія нашъ первый христіанскій государь совершилъ великое преступленіе, отрекшись отъ вѣры отцовъ своихъ и отбросивъ національныя традиціи, чтобы принять чужую и новую вѣру отъ враждебнаго народа. Впрочемъ, если-бы они жили въ его время, они не оказали бы ему серьезнаго сопротивленія: раболѣпство сильнѣе націонализма, и отъ государя готовы принять даже истину.

Вѣра, чуждая національному язычеству, не была греческой вѣрой: душа Владиміра Святого и его народа открылась истинному вселенскому христіанству. Христіанскій Востокъ, сосредоточенный въ Византіи, сохранилъ въ ходѣ вѣковъ догматическую истину и далъ въ своей литургіи прекраснѣйшее выраженіе религіозному чувству. Но догматъ и культъ—не все христіан-

ство: остается еще соціальное и политическое дѣйствіе истинной религіи, организація коллективныхъ силъ христіанства для возрожденія міра,—остается еще воинствующая Церковь. Но эта столь важная сторона христіанства была страннымъ образомъ непонята и отвергнута восточными христіанами, въ особенности послѣ раздѣленія двухъ церквей.

Идеалъ религіозной жизни, преобладавшій на Востокѣ, начиная съ этой эпохи, былъ весьма неполонъ и представлялъ поразительныя аналогіи съ ученіями восточнаго язычества, съ буддизмомъ и манихействомъ. Византійскіе христіане конечно знали, что весь міръ во злѣ лежитъ; но они забывали, что Іисусъ Христосъ побѣдилъ міръ въ его началѣ и въ его центрѣ, и что воинствующая Церковь должна утверждать и прилагать эту безусловную побѣду во всѣхъ относительныхъ сферахъ человѣческаго существованія. Византійское благочестіе направлено было лишь на спасеніе индивидуальной души, оно не допускало возрожденія общества, спасенія міра. По взгляду этихъ полу-христіанъ, человѣчеству въ его цѣломъ суждено навѣки пребывать во злѣ; поэтому безполезно бороться и стремиться къ побѣдѣ надъ міромъ, лучше покинуть его, лучше скрыться въ пустыню, сдѣлаться монахомъ и пустынножителемъ; совершенный христіанинъ это—отшельникъ, идеалъ христіанской жизни, по крайней мѣрѣ на-

сколько онъ можетъ быть осуществленъ на землѣ,—есть святая гора Афонъ, гдѣ тысячи монаховъ, отрѣшенные отъ міра и человѣческихъ интересовъ, уже много вѣковъ безраздѣльно предаются молитвѣ и созерцанію несотвореннаго свѣта ѳаворскаго. Такимъ образомъ, вмѣсто Церкви воинствующей, на Востокѣ была лишь Церковь *дезертирующая*.

Аскетизмъ есть необходимый элементъ религіозной жизни; но, сведенная къ этому единственному элементу, Церковь теряетъ свою жизненную силу и уже не можетъ больше выполнять своего призванія въ этомъ мірѣ.

Византійцы на свой ладъ примѣняютъ евангельскія слова: «Отдайте кесарево Кесарю и божіе богу». богу—формула православной догмы, великолѣпіе литургій, пустота отвлеченнаго созерцанія. Кесарю—дѣятельная жизнь, всѣ человѣческія отношенія, общество, исторія. Царство божіе ограничено храмомъ, кельею монаха, пещерою отшельника; все остальное,—и даже Церковь, какъ только она выходитъ изъ монастыря,—подпадаетъ безусловной и неограниченной власти свѣтскаго монарха, выше котораго нѣтъ ничего на землѣ. Такимъ образомъ, исключительно аскетическое пониманіе христіанства необходимо приводитъ къ цезаропапизму, къ утвержденію абсолютнаго Государства, поглощающаго соціальную функцію Церкви и оставляющаго религіозной душѣ лишь личное удовле-

твореніе въ одинокой и бездѣятельной добродѣтели. На христіанскомъ Востокѣ мы встрѣчаемся съ полнымъ и рѣзкимъ раздѣленіемъ божескаго и человѣческаго, а между тѣмъ ихъ внутреннее единеніе было самой сущностью христіанства.

Но какъ разъ въ то время, когда утонченные греки отбросили евангельскую жемчужину Царства Божія, ее поднялъ полудикій русскій. Онъ нашелъ ее покрытой византійской пылью, и эту пыль вплоть до нашихъ дней благоговѣйно хранятъ русскіе богословы, епископы, состоящіе на службѣ у Государства и свѣтскіе бюрократы, правящіе Церковью. Что же касается самой жемчужины, то она осталась сокрытой въ душѣ русскаго народа. Но прежде чѣмъ отдать ее душѣ народной на храненіе, Владиміръ Святой показалъ ее своимъ современникамъ во всей ея чистотѣ и блескѣ, какъ пророчество и залогъ нашихъ грядущихъ судебъ.

Для Владиміра истинная религія не была, какъ для византійцевъ, отрицаніемъ природы и человѣческаго общества, но возрожденіемъ ихъ. Впрочемъ, онъ самъ былъ живымъ примѣромъ этой положительной силы христіанства, не разрушающей земной природы, но направляющей ее на служеніе болѣе полному проявленію божественной благодати.

Въ дни своей языческой юности, Владиміръ велъ жизнь въ высшей степени порочную и пре-

ступную. Честолюбивый и жестокій, онъ напалъ на своего старшаго брата Ярополка, велѣлъ убить его и захватилъ его владѣнія. Получивъ отказъ отъ княжны, къ которой онъ сватался, онъ силой взялъ ее себѣ въ жены, избивъ предварительно всѣхъ ея родственниковъ. При этомъ, говоритъ лѣтописецъ, онъ былъ ненасытенъ въ развратѣ. Ревностный идолопоклонникъ, онъ приносилъ человѣческія жертвы туземнымъ богамъ. Когда онъ усомнился въ силѣ идоловъ, онъ задумалъ перейти въ магометанство, соблазненный главнымъ образомъ раемъ Магомета съ его гуріями; но онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, узнавъ, что Коранъ запрещаетъ крѣпкіе напитки. «Руси есть веселье питье, сказалъ онъ, не можемъ безъ того быть».

Великій, безстрашный во злѣ и заблужденіи, доводившій всегда и все до конца, Владиміръ сохранилъ этотъ характеръ и въ обращеніи своемъ. Онъ не сталъ византійскимъ христіаниномъ, то есть христіаниномъ на-половину. Ему было въ чемъ раскаиваться; но его раскаяніе, какъ ни глубоко и искренно оно было, не побудило его замкнуться въ одиночествѣ. Онъ принялъ христіанство въ его цѣломъ и былъ проникнутъ во всемъ своемъ существѣ нравственнымъ и соціальнымъ духомъ Евангелія. Посмотримъ же на простодушное, но вѣрное изображеніе Владиміра-христіанина, сохраненное намъ въ лѣтописи Нестора.

Послѣ своего крещенія, Владиміръ поставилъ въ городѣ Василевѣ церковь Преображенья Господня. И сотворилъ онъ праздникъ великій: сварилъ триста проваръ меду, и созвалъ бояръ своихъ, и посадниковъ, старѣйшинъ по всѣмъ городамъ, и людей многихъ, и роздалъ убогимъ триста гривенъ. Праздновалъ князь дней восемь и возвратился въ Кіевъ на Успенье Святыя Богородицы, и тамъ опять сотворилъ праздникъ великій, созвавъ безчисленное множество народа. Видя, что народъ его сталъ христіанскимъ, онъ радовался душою и тѣломъ, и праздновалъ эти дни (Преображенье и Успенье) ежегодно.

Ибо любилъ онъ слова Писанія; однажды услыхалъ онъ чтеніе Евангелія: «блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ»; и еще: «Продайте имѣнья ваши и дайте нищимъ»; и еще: «Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ ржа истребляетъ и воры подкапываютъ, но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни ржа не истребляетъ, ни воры не крадутъ»; и Давида, говорящаго: «блаженъ мужъ милующій и дающій». Слышалъ онъ и Соломона, говорящаго: «Дающій нищему, богу взаймы даетъ». Услышавъ это, повелѣлъ онъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжій и брать все, что ему нужно: питье и ѣду и куны*) изъ казнохрани-

*) Куньи шкурки, замѣнявшія зачастую, въ тѣ времена, монетную единицу.

лища. Онъ отдалъ еще и слѣдующій приказъ, говоря: «немощные и больные не могутъ дойти до двора моего»; а посему повелѣлъ онъ взять телѣги, нагрузить ихъ хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, различными овощами, медомъ и квасомъ въ бочкахъ и возить ихъ по городу, спрашивая: «гдѣ здѣсь больной или нищій, не могущій ходить»?—И такимъ раздавали все, что имъ было нужно.

Исполненный отеческой заботливости о малыхъ и бѣдныхъ, Владимiръ обращался какъ съ истинными братьями съ окружавшими его избранными людьми, совѣтниками своими и дружиной. Совершеннѣйшее равенство и свобода царили при кiевскомъ дворѣ. Несмотря на новую связь Россiи съ Византiйской Имперiей «священное и божественное величество» византiйскихъ «базилевсовъ» не отпечатлѣлось на русскомъ князѣ. Несторъ сохранилъ намъ анекдотъ, прекрасно характеризующій чисто человѣчный духъ нашей первобытной монархiи. За одной изъ обильныхъ трапезъ, которыя Владимiръ ежедневно устраивалъ для своей дружины, гости, подпивши, стали ворчать на князя, говоря: «плохо намъ приходится, мы ѣдимъ деревянными ложками, а не серебряными». Владимiръ, услыхавъ это, велѣлъ выковать для всей своей дружины серебряныя ложки, сказавъ: «Серебромъ и золотомъ я не добуду дружины, а съ дружиной добуду и серебра и золота». Ибо Владимiръ, добавляетъ лѣто-

писцъ, любилъ свою дружину и совѣщался съ ней о дѣлахъ государственныхъ, о войнахъ и о строѣ земли.

Впрочемъ, послѣ своего обращенія, Владиміръ предпринималъ только оборонительныя войны противъ туранскихъ кочевниковъ, совершавшихъ постоянные набѣги на его страну. «И онъ жилъ въ мирѣ съ окольными князьями: съ Болеславомъ Польскимъ, съ Стефаномъ Венгерскимъ и Андрихомъ Чешскимъ; и былъ между ними миръ и любовь».

Вотъ, наконецъ, послѣдняя черта, дополняющая образъ истинно-русскаго и истинно-христіанскаго монарха. «Владиміръ жилъ во страхѣ божіемъ; между тѣмъ умножилось число разбойниковъ, и сказали епископы Владиміру: вотъ умножились разбойники; отчего ты не казнишь ихъ? Онъ же отвѣтилъ имъ: боюсь грѣха».

Мы не касаемся здѣсь вопроса о томъ, не ошибался ли Владиміръ въ данномъ частномъ примѣненіи евангельскихъ заповѣдей. Намъ важно установить, что онъ с т р е м и л с я примѣнять христіанскую мораль ко всѣмъ вопросамъ общественнаго и политическаго характера. Онъ не хотѣлъ быть христіаниномъ только въ частной своей жизни, онъ хотѣлъ быть имъ и какъ глава Государства, въ дѣлѣ внутренняго управленія, а также въ международныхъ сношеніяхъ съ остальнымъ христіанскимъ миромъ. Верховнымъ правиломъ его политики было не поддер-

жанiе своей власти, не нацiональный интересъ или нацiональное самолюбiе, но правда, любовь и миръ.

Владимiръ призналъ основное начало христiанскаго Государства и завѣщалъ осуществленiе его русской исторiи. Послѣ него, сынъ его Ярославъ и внукъ его Владимiръ Мономахъ были истинно-христiанскими государями. Но, несмотря на ихъ усилiя, кiевская Русь, ослабленная братоубiйственными раздорами въ домѣ Рюрика, безсильна была осуществить свое призванiе. Нашествiе татаръ и перенесенiе нацiональнаго центра на сѣверъ придали новое направленiе нашему политическому развитiю. Христiанское Государство, только намѣченное въ Кiевѣ, уступило мѣсто татарско-византiйскому деспотизму Москвы и тевтонскому абсолютизму Санктъ-Петербурга.

Какова же общая причина этого великаго историческаго отклоненiя? Отчего ростокъ соцiальнаго и политическаго христiанства, посаженный на русскую почву девятьсотъ лѣтъ тому назадъ, такъ скоро уступилъ злотворнымъ влiянiямъ? Какая сила или какой злой рокъ подмѣнилъ въ христiанской Руси идеалъ Владимiра Святаго идеаломъ Навуходоносора?

III.

Богъ вочеловѣчился въ лицѣ еврейскаго Мессiи какъ разъ въ то время, когда человѣкъ сталъ

богомъ, въ лицѣ римскаго Кесаря. Іисусъ Христосъ не нападалъ на Кесаря и не оспаривалъ его власти; но Онъ возвѣстилъ истину о немъ. Онъ сказалъ, что Кесарь не богъ, и что власть Кесаря внѣ Царства божія. Воздавать Кесарю той монетой, которую онъ чеканитъ, а остальное богу,—это есть то, что теперь называютъ отдѣленіемъ Церкви отъ Государства, отдѣленіемъ необходимымъ, пока Кесарь язычникъ, и невозможнымъ, какъ только онъ сталъ христіаниномъ. Христіанинъ, будь онъ даже король или императоръ, не можетъ оставаться внѣ Царства божія и противопоставлять свою власть власти бога. Верховная заповѣдь: «Отдайте божіе богу» безузловно обязательна для Кесаря, если онъ хочетъ быть христіаниномъ. Онъ тоже долженъ отдавать божіе богу, то-есть, прежде всего, верховную и безусловную власть на землѣ; ибо, чтобы дѣйствителѣно понять слово о Кесарѣ, обращенное Господомъ къ врагамъ Его, когда Онъ шелъ на страданіе, надо дополнить его другимъ, болѣе торжественнымъ словомъ, сказаннымъ Имъ по воскресеніи ученикамъ своимъ, представителямъ Его Церкви: «Дана мнѣ в с я к а я властъ на небѣ и на з е м л ѣ» (Матѳей, XXVIII, 18). Вотъ текстъ формальный и рѣшающій, и онъ не можетъ быть добросовѣстно истолкованъ двояко. Тѣ, кто истинно вѣруютъ слову Христа, никогда не согласятся допустить возможность Государства, отдѣлен-

наго отъ Царства Божія, мірской власти, безусловно независимой и державной. Есть только одна власть на землѣ, и эта власть принадлежитъ не Кесарю, а Іисусу Христу. Если слово, сказанное о динаріи, лишало Кесаря его божественности, то это новое слово лишаетъ его самодержавія. Если онъ хочетъ царствовать на землѣ, то онъ не можетъ царить собственной властью, а долженъ стать представителемъ Того, кому дана всякая власть на землѣ.*) Но какъ можетъ перейти къ нему подобное полномочіе?

Открывъ человѣчеству Царство Божіе, которое не отъ міра сего, Іисусъ Христосъ далъ и всѣ необходимыя средства для реализаціи этого Царства въ мірѣ. Возвѣстивъ въ своей первосвященнической молитвѣ совершенное единство всѣхъ, какъ цѣль своего дѣла, Господь пожелалъ дать этому дѣлу реальную и органическую основу, учредивъ свою видимую Церковь и давъ ей, для огражденія ея единства, единаго главу въ лицѣ святого Петра. Если можно найти въ евангеліяхъ указаніе на передачу полномочій, то только это. Никакая мірская власть не полу-

*) Отсюда видно, что «отнятіе самодержавія» у Кесаря Соловьевъ понимаетъ лишь въ смыслѣ ограниченія его власти сверху—властью Божеской; въ эпоху написанія настоящей статьи, онъ высказывался противъ всякихъ ограниченій монархической власти въ Россіи снизу. (Ред.)

чила отъ Христа какой либо санкціи или какого либо обѣтованія. Іисусъ Христосъ основалъ только Церковь, и основалъ Онъ ее на монархической власти Петра: «Ты еси Петръ и на этомъ камнѣ Я создамъ Церковь мою».

Такимъ образомъ, христіанское Государство должно стоять въ зависимости отъ Церкви, основанной Христомъ, а сама Церковь зависитъ отъ главы, Христомъ ей даннаго. Въ конечномъ счетѣ христіанскій Кесарь лишь черезъ Петра имѣетъ участіе въ царской власти Христа. Онъ вообще не можетъ имѣть никакой власти помимо Того, кто облеченъ полнотой всякой власти, и не можетъ царствовать помимо того, кому вручены ключи Царства. Чтобы быть христіанскимъ, Государство должно быть подчинено Церкви Христа; но, чтобы это подчиненіе не было фиктивнымъ, Церковь должна быть независимой отъ Государства, она должна имѣть центръ единства внѣ Государства и надъ нимъ, она должна быть воистину Вселенской Церковью.

Въ 1885 году офиціальный документъ, исходившій отъ русскаго правительства*), объявилъ, что Восточная Церковь отреклась отъ своей

*) Правила о государственныхъ экзаменахъ по юридическому факультету.

власти и передала ее въ руки царя. Никто изъ представителей офиціальной Церкви не выразилъ протеста противъ подобнаго утвержденія *), и всѣ дальнѣйшія выступленія нашего клира могутъ служить лишь подтвержденіемъ вышесказаннаго заявленія. Впрочемъ, цезаропапистскій манифестъ петербургскихъ бюрократовъ былъ лишь формальнымъ признаніемъ уже совершившагося факта. Нельзя отрицать, что Восточная Церковь дѣйствителъно отреклась отъ своей власти въ пользу власти свѣтской; спрашивается только, имѣла ли она право это сдѣлать и можетъ ли она послѣ этого считаться представительницей Того, Кому дана всякая власть на небѣ и на землѣ. Сколько ни терзайте евангельскіе тексты, относящіеся къ тѣмъ вѣчнымъ правамъ, которыя Іисусъ Христосъ завѣщалъ своей Церкви, въ нихъ все равно не найдете права передачи этихъ полномочій въ руки свѣтской власти. Власть, заявляющая притязаніе замѣстить Церковь въ земномъ ея призваніи, должна была бы по крайней мѣрѣ по-

---

*) Въ Россіи нашелся лишь одинъ писатель-міряининъ не занимавшій никакого офиціальнаго положенія, который отнесся критически къ сказанному документу. Эта критика послѣдовала безъ благословенія кого-либо изъ предстоятелей русской церкви и не удостоилась поддержки съ ихъ стороны; она выражала только личныя чувства автора и своимъ одиночествомъ еще болѣе подчеркнула плачевное положеніе религіи въ Россіи.

лучитъ одинаковыя съ ней обѣтованія прочности.

Мы не думаемъ, чтобы наши іерархи отказались добровольно и по зрѣломъ размышленіи отъ своихъ церковныхъ правъ. Но если Восточная Церковь потеряла, въ силу извѣстныхъ событій, то, что принадлежало ей въ силу божественнаго права, то очевидно, что врата адовы одолѣли ее и что, слѣдовательно, она, въ своей отдѣльности, не есть незыблемая Церковь, основанная Христомъ.

Мы не желаемъ также дѣлать свѣтское правительство отвѣтственнымъ за ненормальное положеніе Церкви въ Государствѣ. Это послѣднее было право, когда отстаивало свою независимость и свое главенство противъ духовной власти, представлявшей лишь частичную и національную Церковь, разобщенную съ великой христіанской общиной. Когда утверждаютъ, что Государство должно подчиниться Церкви, то при этомъ всегда имѣютъ въ виду Церковь, единую, нераздѣльную и вселенскую, основанную Христомъ.

Управленіе какой-либо отдѣльной національной Церкви есть лишь историческое и чисто человѣческое учрежденіе. Тогда какъ глава Государства есть законный представитель націи, какъ таковой, и іерархія, которая хочетъ быть національной и только національной, должна волей-неволей признавать свѣт-

скаго государя своимъ безусловнымъ владыкой. Сфера національнаго бытія можетъ въ самой себѣ имѣть лишь одинъ и единственный центръ, главу Государства. Епископатъ какой-либо отдѣльной частной Церкви можетъ, по отношенію къ Государству, притязать на верховенство апостольской власти лишь въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно связываетъ націю съ вселенскимъ или международнымъ царствомъ Христа. Національная Церковь, если она не хочетъ покориться абсолютизму Государства, то-есть перестать быть Церковью и сдѣлаться департаментомъ гражданской администраціи, необходимо должна имѣть реальную опору внѣ Государства и націи; связанная съ этой послѣдней природными и историческими узами, она должна въ то же время, въ своемъ качествѣ Церкви, входить въ составъ болѣе широкаго соціальнаго круга, съ независимымъ центромъ и вселенской организаціей, при чемъ мѣстная Церковь можетъ быть лишь частнымъ органомъ этой послѣдней.

Лица, стоявшія во главѣ русской Церкви, не могли, въ борьбѣ съ всепоглощающимъ абсолютизмомъ Государства, опираться на свою религіозную метрополію, которая сама была не болѣе какъ національной Церковью, съ давнихъ поръ порабощенной свѣтской власти. Не религіозную свободу, а цезаропапизмъ унаслѣдовали мы отъ Византіи, гдѣ это антихристіанское

начало безпрепятственно развивалось послѣ раздѣленія церквей. Греческая іерархія, сама оттолкнувъ мощную опору, которую она дотолѣ находила въ независимомъ центрѣ Вселенской Церкви, оказалась оставленной на произволъ Государства. До раздѣленія, каждый разъ, какъ греческіе императоры вторгались въ область духовную и угрожали свободѣ Церкви, представители этой послѣдней,—будь то святой Іоаннъ Златоустъ, или святой Флавіанъ, или святой Максимъ Исповѣдникъ, или святой Ѳеодоръ Студитъ, или святой патріархъ Игнатій,—обращались къ международному центру христіанства, прибѣгали къ авторитету Державнаго Первосвятителя, и находили въ Римѣ вѣрное убѣжище и непоколебимую опору ихъ дѣлу Греческая Церковь въ тѣ времена была и сознавала себя живой частью Церкви Вселенской,—частью, тѣсно связанной съ великимъ общимъ центромъ единства—апостольскимъ престоломъ Петра.

Эти отношенія зависимости отъ преемника первоверховныхъ апостоловъ, отъ священника божія, эти чисто духовныя, законныя и исполненныя достоинства отношенія были замѣнены мірскимъ незаконнымъ и унизительнымъ порабощеніемъ простымъ міряномъ и невѣрнымъ.

Тутъ дѣло не въ исторической случайности, но въ логикѣ вещей, неизбѣжно отъемлющей у всякой чисто національной Церкви ея независи-

мость и достоинство и налагающей на нее болѣе или менѣе тяжелое, но всегда позорное иго свѣтской власти.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ Церковь сведена къ національному учрежденію, свѣтское правительство (будь то самодержавное или конституціонное) пользуется безусловной полнотой всяческой власти, а церковная организація является лишь спеціальнымъ министерствомъ, зависящимъ отъ общегосударственной администраціи. Національное Государство здѣсь реальное и законченное тѣло, живущее собой и для себя, а Церковь есть только часть или, лучше сказать, одна сторона этого общественнаго организма,—часть или сторона, безусловно подчиненная политическому цѣлому и существующая для себя только въ абстракціи.

Это рабство Церкви несовмѣстимо съ ея духовнымъ достоинствомъ, съ ея божественнымъ происхожденіемъ, съ ея вселенскимъ призваніемъ. Съ другой стороны, разсужденіе доказываетъ, а исторія подтверждаетъ, что долговременное существованіе двухъ властей и двухъ правительствъ, равно независимыхъ и державныхъ, въ предѣлахъ одной и той же земельной области, въ границахъ одного національного Государства, безусловно невозможно. Такая діархія неизбѣжно приводитъ къ антагонизму, который можетъ закончиться лишь полнымъ торжествомъ свѣтской власти, ибо только она дѣйствитель-

но представляетъ націю, тогда какъ Церковь, по самой своей природѣ, не есть учрежденіе національное и можетъ стать таковымъ, лишь потерявъ дѣйствительный смыслъ своего существованія.

Владиміръ Святой, «радовавшійся въ душѣ и въ тѣлѣ своемъ, видя, что народъ его сталъ христіанскимъ», желавшій быть отцомъ своихъ подданныхъ и братомъ равныхъ ему, постигъ смыслъ Царства Божія, которое, по словамъ Апостола, есть «правда, миръ и радость о Духѣ Святомъ» (Рим. XIV, 17). Но для осуществленія Царства Божія въ жизни соціальной и политической, для созданія истинно христіанскаго государства, Россія должна была подчиниться установленному Христомъ порядку, вступить на открытый Имъ путь. Этотъ порядокъ и этотъ путь—церковная монархія. Чтобы быть христіанскимъ, національное Государство должно получить свою санкцію отъ духовной власти, воистину вселенской и существующей по божественному праву.

Христіанское Государство есть Государство, вносящее, по мѣрѣ средствъ своихъ, религіозное и нравственное начало христіанства во всѣ отношенія общественной жизни. Оно есть главное орудіе, при помощи котораго христіанская религія должна осуществить свое соціальное

дѣло. А такъ какъ это дѣло по самому существу своему есть дѣло вселенское, то и христіанское Государство не можетъ ограничиться защитой эгоистическихъ и исключительныхъ интересовъ отдѣльной націи, но должно направить національныя силы, находящіяся въ его распоряженіи, на служеніе всему христіанскому міру.

Но интересы христіанскаго міра не поручены непосредственно національному Государству; поэтому, если оно желаетъ послужить имъ, Государство должно подчиниться международному учрежденію, дѣйствительно представляющему христіанскую вселенную, то-есть каѳолической Церкви. Глава христіанскаго Государства долженъ быть сыномъ Церкви. Но дабы онъ могъ имъ быть на самомъ дѣлѣ, Церковь должна имѣть власть независимую и по существу своему стоящую выше власти Государства. При всей доброй волѣ, свѣтскій монархъ не можетъ быть истиннымъ сыномъ Церкви, разъ онъ въ то же время глава ея и правитъ ею при посредствѣ своихъ чиновниковъ.

Если національное Государство самоутверждается, какъ законченное и самодовлѣющее соціальное тѣло, оно не можетъ болѣе входить, какъ живой членъ, въ составъ вселенскаго тѣла Христова. А если оно внѣ этого тѣла, оно уже не есть христіанское Государство и лишь возобновляетъ въ лицѣ своемъ языческій цезаризмъ.

Церковь въ Россіи, лишенная всякой точки опоры, всякаго центра единства внѣ національнаго Государства, по необходимости подпала въ концѣ-концовъ свѣтской власти, а эта послѣдняя, не имѣя болѣе ничего на землѣ выше себя, не получая ни откуда религіозной санкціи, частичной делегаціи Христовой власти, съ не меньшей необходимостью пришла къ антихристіанскому абсолютизму. Мы знаемъ теперь какая власть и какой злой рокъ мѣшали до сихъ поръ Россіи осуществить идеалъ христіанскаго Государства, завѣщанный ей Владиміромъ Святымъ: то была роковая власть національнаго обособленія, приведшая нашу церковь къ рабству, а наше Государство къ цезаропапистскому деспотизму. Если мы даже допустимъ, что съ исторической точки зрѣнія это обособленіе было въ свое время полезно для Россіи, давъ больше свободы естественному развитію ея національныхъ силъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что матеріальный ростъ русскаго народа достигъ въ настоящее время своего предѣла. Она представляетъ соціальное тѣло въ 110 милліоновъ душъ, пользующееся гражданскими правами съ 1861 года. Пришло время для этой необъятной національной силы вступить сознательно и свободно во вселенское тѣло Христово.

Для этого ей необходимо отказаться отъ двухъ вещей, представляющихъ въ сущности

одно: отъ порабощенія національной церкви и отъ абсолютизма Государства. Мы вѣримъ, что Россія откажется отъ нихъ, и имѣемъ основанія для такой вѣры. Существуютъ отъ 12 до 15 милліоновъ Русскихъ, предки которыхъ въ семнадцатомъ столѣтіи, проникнутые истинной идеей Церкви (которой они не могли однако по невѣденію дать практическаго примѣненія), возстали противъ оффиціальной церкви московскаго Государства. Большая и наиболѣе послѣдовательная часть этихъ раскольниковъ превосходно выразила самую сущность нашего національнаго вопроса, заявивъ, что цезаропапистское Государство и оффиціальная Церковь, какъ его орудіе представляютъ царство антихриста.

Не доказываетъ ли подобное сужденіе (преувеличенное по своей формѣ, но совершенно справедливое по существу), произнесенное весьма невѣжественными и стоявшими внѣ всякаго посторонняго вліянія крестьянами, что душа русскаго народа не была окончательно захвачена византійскимъ поклоненіемъ идолу государственности, и что подновленный кумиръ языческой монархіи не одолѣлъ вѣры Владиміра Святого. За религіознымъ протестомъ семнадцатаго вѣка послѣдовала реформа Петра Великаго, давшая Россіи науку и всѣ средства для умственнаго развитія.

Наше дѣло приложить эти средства возросшей культуры къ разрѣшенію великаго церков-

наго вопроса, который безуспѣшно былъ поднятъ нашими раскольниками два вѣка тому назадъ. У нихъ не было недостатка въ доброй волѣ, но имъ не доставало знаній.

У насъ есть эти знанія, или мы, по крайней мѣрѣ, можемъ пріобрѣсти ихъ, но хватитъ ли у насъ доброй воли? Если мы исполнимъ свой долгъ, смыслъ бытія Россіи станетъ ясенъ и понятны будутъ ея историческія судьбины: живой ростокъ христіанскаго Государства въ началѣ; затѣмъ въ теченіе долгихъ вѣковъ тяжелая работа матеріальнаго приготовленія, физическаго роста, созданія могучаго и централизованнаго Государства; затѣмъ великая проблема Церкви, глубоко почувствованная и бурно поднятая, но не получившая дѣйствительнаго разрѣшенія, благодаря отсутствію умственной культуры. Восполнитъ этотъ недостатокъ призвано было провиденціальное дѣло великаго реформатора, проведшаго національный духъ чрезъ школу европейской науки. И, наконецъ, теперь — по выходѣ изъ этой школы—сильная и разумная Россія, призванная подтвердить крещеніе, полученное ею девять вѣковъ тому назадъ, добровольнымъ отказомъ отъ дурного начала эгоизма и національнаго обособленія и открытымъ признаніемъ себя тѣмъ, чѣмъ она должна быть и что она есть въ глубинѣ души своей,—живой и нераздѣльной частью великаго вселенскаго единства.

ОТВѢТЪ НА КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ ИЗЪ КРАКОВА*).

Я считаю полезнымъ указать на нѣкоторыя неточности и прискорбные пробѣлы въ статьѣ, озаглавленной: «Взглядъ на религіозную исторію Россіи по поводу статей г. Соловьева (L'Univers, 18 сентября).

Извѣстно и безспорно, что Россія приняла христіанство до окончательнаго отдѣленія греческой Церкви (при патріархѣ Михаилѣ Керулларіи въ 1054 году). Годъ нашего національнаго крещенія (988) является достаточнымъ доказательствомъ этого факта. Извѣстно и безспорно, что прошло еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, прежде чѣмъ высшее духовенство Россіи стало de facto на сторону своихъ византійскихъ духовныхъ вождей. Можно было бы привести въ подтвержденіе этого цѣлый рядъ доводовъ, но

*) Письмо въ редакцію газеты Univers по поводу корреспонденціи той же газеты изъ Кракова отъ 18 сентября 1888 г.

приведенное авторомъ празднованіе дня памяти святого Николая уже одно можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ.

Наконецъ, извѣстно и безспорно, что флорентійская унія, подписанная отъ лица Россіи Исидоромъ, митрополитомъ кіевскимъ и московскимъ, отвергнута была скорѣе самовольнымъ дѣйствіемъ свѣтскаго государя, великаго князя Василія Темнаго (краковскій авторъ называетъ вмѣсто него его сына, Ивана III), чѣмъ правильнымъ актомъ русской Церкви. Выводъ, который слѣдуетъ сдѣлать изъ этихъ фактовъ (и который можно было бы подкрѣпить рядомъ другихъ соображеній)—это, что Россія не состоитъ въ формальномъ и правильномъ раздѣленіи съ католической Церковью, что въ этомъ отношеніи она пребываетъ въ неопредѣленномъ и ненормальномъ состояніи, въ высшей степени благопріятномъ для дѣла соединенія. Но независимо отъ этого положенія, которое мы считаемъ непоколебимымъ, краковскій авторъ выставляетъ и пытается доказать два утвержденія, столь же мало обоснованныхъ, какъ и знаменитая этнологическая теорія о туранскомъ происхожденіи сѣверной Руси. Онъ утверждаетъ, во-первыхъ, что Россія приняла христіанскую религію не отъ Грековъ, и что русская Церковь, организованная римскими легатами, никогда не была подчинена законной юрисдикціи патріарховъ константинопольскихъ; и, во-вторыхъ, что, въ настоящее

время, русскій народъ Украйны и Подоліи, представленный студистами, не только не повиненъ въ схизмѣ, но хранитъ вѣру первыхъ христіанъ, тогда какъ, съ другой стороны, «даже трудно признать такъ называемое православіе русскихъ за христіанскую религію».

Что касается перваго изъ сказанныхъ положеній (отношенія между русской Церковью и Церковью греческой), то главнымъ и рѣшающимъ дѣло вопросомъ является, какъ и кѣмъ были рукоположены кіевскіе митрополиты, первосвятители всея Руси, отъ кого они приняли свою іерархическую власть. Безусловно достовѣрно (и ни одинъ изъ излюбленныхъ авторомъ историковъ не выразилъ ни малѣйшаго сомнѣнія по этому поводу), что въ первые вѣка существованія нашей Церкви, кіевскіе митрополиты, если только они сами не были греками, непосредственно присланными къ намъ изъ Византіи, неизмѣнно отправлялись въ царствующій градъ, чтобы получить отъ греческаго патріарха окончательное утвержденіе. Этому достовѣрному и общеизвѣстному факту краковскій авторъ хочетъ противопоставить смутныя сношенія между Римомъ и Кіевомъ при Владимірѣ Святомъ. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній объ этихъ сношеніяхъ не мѣшаетъ нашему автору выступать съ весьма смѣлыми утвержденіями. «Между Святымъ Престоломъ и могущественнымъ княземъ Россіи велись весьма важные переговоры.... Несомнѣнно,

что въ этихъ переговорахъ шла рѣчь объ устроеніи русской Церкви.... Владиміръ пребылъ вѣрнымъ римскому культу и Папству до дня своей смерти», что доказывается почестями, оказанными въ Кіевѣ отцу Бруно. «Костомаровъ и Иловайскій приводятъ подробности этого торжественнаго пріема».

Велись весьма важные переговоры между Святымъ Престоломъ и Россіей при императорахъ Николаѣ, Александрѣ II и Александрѣ III. И въ 1883 году мы видѣли въ Москвѣ нунція Святого Отца.

Не было недостатка въ торжественныхъ пріемахъ, и Костомаровы и Иловайскіе вѣковъ грядущихъ, быть можетъ, повѣдаютъ о нихъ. Но едва ли они скажутъ, что императоръ Александръ остался вѣренъ римскому культу, и что русская Церковь была организована преосвященнымъ Ванутелли.

Хотя и признавая, что мы приняли христіанство до раздѣленія церквей, въ эпоху, когда греки были равно православными и католиками, ученый авторъ тѣмъ не менѣе думаетъ, что «Россія приняла не греческую религію, а болгарскую». Онъ основываетъ этотъ выводъ на нашей болгарской литургіи и на кириллицѣ. Эта литургія, по его мнѣнію, не могла быть намъ дана Византіей, «ибо греческая Церковь не потерпѣла у самихъ болгаръ, послѣ того, какъ увлекла ихъ въ великій расколъ, литургіи на

родномъ языкѣ, но принудила ихъ замѣнить ее греческой литургіей». Это послѣднее утвержденіе не вѣрно. Авторъ распространяетъ на всю Болгарію частичныя попытки эллинизаціи, не всегда удававшіяся даже въ эпархіяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Болгарія не только не измѣнила своему литургическому языку, но даже неоднократно и съ успѣхомъ боролась за полную церковную независимость въ формѣ автокефальнаго экзархата. Но, чтобъ вернуться къ Россіи,—которая, по словамъ нашего автора, получила отъ Рима болгарскую религію, — спрашивается, когда же она стала тѣмъ, что она есть?

Авторъ говоритъ, что послѣднее ему неизвѣстно; но къ этому признанію, вполнѣ естественному въ столь темномъ и сложномъ вопросѣ, онъ прибавляетъ такую фразу: «По всей вѣроятности въ цѣляхъ огражденія своего единства, высшее русское духовенство избрало изъ своей среды патріарха, неизвѣстно въ какую эпоху». На этотъ разъ рѣчь идетъ объ историческомъ событіи, сравнительно недавнемъ, точная дата котораго вполнѣ извѣстна и документально подтверждена. Русская Церковь обращена въ патріархатъ въ послѣдніе годы шестнадцатаго вѣка, въ номинальное царствованіе Өедора Ивановича, слабоумнаго сына Ивана Грознаго, при правленіи и по инициіативѣ Бориса Годунова, избраннаго царемъ по смерти его зятя Өедора.

Перваго автокефальнаго патріарха московскаго и всея Руси звали Іовомъ, и его церковная независимость была торжественно признана Церковью-матерью въ лицѣ греческаго патріарха Іереміи, прибывшаго на этотъ предметъ въ Москву. Московскій патріархатъ просуществовалъ около столѣтія и былъ замѣненъ при Петрѣ Великомъ санктъ-петербургскимъ синодомъ.

Что касается утвержденія краковскаго автора относительно религіознаго положенія русскаго народа въ настоящее время, то, въ виду того, что оно высказано въ статьѣ совершенно голословно, достаточно будетъ противопоставить ему нѣсколько положеній, не лишенныхъ важности съ точки зрѣнія возможности соединенія Церквей и представляющихъ матеріалъ для дальнѣйшаго обсужденія вопроса. Вотъ эти положенія:

1.—Русская религія, если понимать подъ этимъ терминомъ вѣру народную и богослуженіе, вполнѣ православна и каѳолична.

2.—Ложныя и антикаѳолическія ученія, преподаваемыя у насъ въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ, не имѣютъ характера обязательности для тѣла русской Церкви и ни мало не затрагиваютъ вѣру народную.

3.—Церковное управленіе въ Россіи, незаконное, схизматическое и подпавшее (lata sententia) анаөемѣ по третьему канону седьмого вселенскаго собора,—формально отвергается значительной частью православной Россіи (староверами), и терпится остальными поневолѣ и за неимѣніемъ лучшаго.

Приношу краковскому автору мою благодарность за ту доброжелательность, съ которой онъ отнесся ко мнѣ лично въ своей статьѣ. Не буду останавливаться на нѣкоторыхъ неточностяхъ въ его свѣдѣніяхъ относительно меня—это не представляетъ никакого общаго интереса. Но не могу не выразить моего искренняго и глубокаго сожалѣнія по поводу тѣхъ мало доброжелательныхъ чувствъ, которыя онъ, повидимому, питаетъ къ огромному большинству русскаго народа. Онъ дѣлаетъ этотъ народъ отвѣтственнымъ за цезаропапизмъ, который его угнетаетъ и противъ котораго онъ всегда протестовалъ. Побѣдоносцевы и Толстые столь же мало являются представителями Россіи, какъ Флоке, Гобле и Фрейсине—представителями Франціи.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ЕПИСКОПА ШТРОССМАЙЕРА КАРДИНАЛУ РАМПОЛЛѢ, СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЮ РИМСКОЙ КУРІИ, ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛАГАВШАГОСЯ ПОСѢЩЕНІЯ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВЫМЪ РИМА.

Eminentissime Domine, Sacrae Romanae Ecclesiae Cardinalis, Secretarie Status, Domine singulari veneratione et fiducia dignissime.

Quum nesciam, an in his tantis Suae Beatitudinis occupationibus copiam habiturus sim Suam Beatitudinem videndi et Eidem ea, quae cor et conscientiam meam gravant, aperiendi, liceat mihi quaedam, summatim, referre eo fine, ut Eminentia Vestra, pro consueta sua benevolentia et generositate, eadem cum Sua Beatitudine communicare dignaretur.

Iº. Quidam juvenis scriptor russus, nomine Solowieff, toto animo et corde catholicus, atque in id tota vita et praeclaris operibus suis intentus, ut numerosissimam Slavorum russorum gentem ad sinum Sanctae Matris Ecclesiae Catholicae reducat, veniet hisce diebus Romam, ut a sua Beatitudine benedicatur et in

sanctis suis propositis confirmetur. Ut Eminentia Vestra videat, cujus spiritus hic praeclarissimus vir sit, litteras adnecto, quas ad me dedit.

Quaererem itaque summopore, ut vir hicce benignius a Sanctissimo Patre excipiatur et in suis sanctis intentionibus confirmetur. Summopore rei nostrae interest, ut hicce vir contentus hincce discedat, utque memoriam gratam hincce reportet.

П⁰ . . . .
. . . .

Romae, 19 Aprilis 1888.
Josephus Georgius
Episcopus Bosnensis et Syrmiensis.

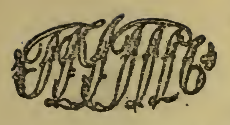
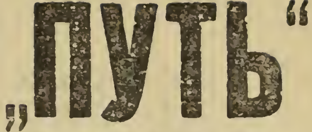
Высокопреосвященнѣйшій Владыка, Святой Римской Церкви Кардиналъ, Статсъ-Секретаръ, Господинъ особаго уваженія и довѣрія достойнѣйшій.

Такъ какъ я не знаю, буду ли я имѣть возможность, при многосложности занятій Его Блаженства, повидать Его Блаженство и открыть ему то, что отягощаетъ сердце и совѣсть мою, то да будетъ позволено мнѣ изложить кое-что въ общихъ чертахъ на тотъ конецъ, чтобы Ваше Высокопреосвященство съ обычнымъ вашимъ благоволеніемъ и великодушіемъ удостоили переговорить объ этомъ съ Его Блаженствомъ.

I°. НѢкій молодой русскій писатель, по имени Соловьевъ, всѢмъ сердцемъ и душою католикъ и положившій всю жизнь и всѣ славные труды свои на то, чтобъ возвратить возможно большее число русскихъ Славянъ въ лоно Святой Матери Церкви Католической, прибудетъ на этихъ дняхъ въ Римъ, чтобы испросить благословеніе Его Блаженства и утвержденіе въ своихъ святыхъ замыслахъ. Дабы Ваше Высокопреосвященство могло усмотрѣть, какого духа сей преславный мужъ, прилагаю письма, съ которыми онъ обратился ко мнѣ. Я въ высшей степени просилъ бы поэтому, чшобы сей мужъ былъ милостиво принятъ СвятѢйшимъ Отцомъ и утвержденъ въ благихъ своихъ намѣреніяхъ. Для нашего дѣла въ высшей степени важно, чтобы мужъ сей отбылъ отсюда довольнымъ и унесъ отсюда благодарное воспоминаніе.

. . . . Римъ, 19 Апрѣля 1888 года.

Іосифъ Георгій, Епископъ Боснійскій и Сирміійскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Москва, Ковинскій бул., д. 103.
Ближайшее участіе принимаютъ:

С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

Отдѣлъ I.

Оригинальныя произведенія.

С. Н. **БУЛГАКОВЪ**. **„Два града"**. Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 3 р. за оба тома.

И. В. **КИРѢЕВСКІЙ**. **Полное собраніе сочиненій**. Въ 2-хъ томахъ, съ портретомъ, подъ редакціей **М. О. Гершензона**. Цѣна за 2 тома 4 р.

М. **ГЕРШЕНЗОНЪ**. **Жизнь В. С. Печерина**. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. М. **ЛОПАТИНЪ**. **Философскія характеристики и рѣчи**. Цѣна 3 р.

ВЛ. **ЭРНЪ**. **Борьба за логосъ**. Цѣна 2 р.

Н. А. **БЕРДЯЕВЪ**. **Философія свободы**. Цѣна 2 р.

С. Н. **БУЛГАКОВЪ**. **Философія хозяйства**. Ч. I. Міръ **какъ хозяйство**. Цѣна 2 р.

Свящ. **ПАВЕЛЪ ФЛОРЕНСКІЙ**. **Столпъ и утвержденіе истины**. (Опытъ православной Ѳеодицеи въ двѣнадцати письмахъ). Печатается.

Свящ. С. **ЩУКИНЪ**. **Сборникъ статей. „Около церкви"** и др. Печатается.

Кн. **ЕВГ. ТРУБЕЦКОЙ**. **В. С. Соловьевъ и его дѣло**. Печатается.

П. Я. **ЧААДАЕВЪ**. **Собраніе сочиненій и писемъ, подъ редакціей М. О. Гершензона**. Печатается.

ВЛ. **КАРПОВЪ**. **Основныя черты органическаго пониманія природы**. Печатается.

КН. В. Ѳ. **ОДОЕВСКІЙ**. **Русскія ночи**. Подъ редакціей **С. А. Цвѣткова** (съ дополненіями и поправками по рукописямъ). Печатается.

Отдѣлъ II.
Переводы.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ. Россія и вселенская церковь. Переводъ съ французскаго **Г. А. Рачинскаго.** Цѣна 2 р. 25 к.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ. Русская идея. Переводъ съ французскаго **Г. А. Рачинскаго.** Цѣна 75 к.

ДЮШЕНЪ. Исторія древней церкви. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. И. В. Попова и проф. А. П. Орлова. Томъ I. Цѣна 2 р.

ЗЕЙПЕЛЬ. Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ **С. Н Булгакова** Цѣна 2 р.

Э. ЛЕРУА. Догматъ и критика. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ **Н. А. Бердяева** (печатается).

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

АВГУСТИНЪ. Исповѣдь.

ВЕНДЛАНДЪ. Эллипистически-римская культура въ ея отношеніи къ еврейству и христіанству.

ДЮШЕНЪ. Исторія древней церкви. Томъ II.

Отдѣлъ III.
РУССКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

А. С. ХОМЯКОВЪ. Н. Бердяева. Цѣна 1 р. 60 к.

А. А. КОЗЛОВЪ. С. Аскольдова. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. С. СКОВОРОДА (1722—1794). **Вл. Эрна.** Цѣна 2 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ. А. С. Волжскаго.

А. И. БУХАРЕВЪ (арх. Ѳедоръ). С. С. Розанова.

Н. В. ГОГОЛЬ. В. В. Зѣньковскаго.

К. Н. ЛЕОНТЬЕВЪ. В. В. Бородаевскаго.

о. СЕРАП. МАШКИНЪ. Свящ. П. А. Флоренскаго.

М. М. СПЕРАНСКІЙ. А. В. Ельчанинова.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ. Вячесл. Иванова.

Н. Ѳ. ѲЕДОРОВЪ. Н. А. Бердяева.

Въ дальнѣйшемъ предполагаются монографіи о И. В. Кирѣевскомъ, Н. И. Новиковѣ, Вл. Соловьевѣ, Л. Толстомъ, С. Н. Трубецкомъ, П. Я. Чаадаевѣ, Б. Н. Чичеринѣ.

Отдѣлъ IV.

СБОРНИКИ.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. **О ВЛАД. СОЛОВЬЕВѢ.** Ц. 1 р. 50 к. **Статьи: С. Н. Булгакова.—Вячесл. Иванова.—кн. Евг. Трубецкаго.—Александ. Блока.—Н. Бердяева.—Вл. Эрна.**

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. **О РЕЛИГІИ Л. ТОЛСТОГО.** Цѣна 1 р. 70 к. **Статьи: С. Н. Булгакова.—В. В. Зѣньковскаго.—Кн. Евг. Трубецкаго.—В. И. Экземплярскаго.—С. Н. Булгакова.—Анд. Бѣлаго.—Н. А. Бердяева.—А. С. Волжскаго.—Вл. Эрна.**

Отдѣлъ V.

ФИЛОСОФСКІЕ КЛАССИКИ.

БААДЕРЪ. Избранныя сочиненія (готовится къ печати).

Намѣчаются переводы избранныхъ сочиненій: Плотина, Эригены, Фихте, Шеллинга, Гегеля и др.

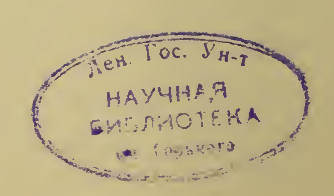
Книгоиздательство „ПУТЬ“ высылаетъ свои изданія всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Новинскій, 103), принимая почтовые расходы на свой счетъ; расходы по наложенію платежа заказчики принимаютъ на себя (до 5 р.—10 к., свыше—по 2 к. съ рубля).

За границу отправка изданій производится на тѣхъ же условіяхъ, но по полученіи **полной** оплаты заказа (наложеніе платежа не допускается).

По выходѣ изданій изъ печати, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, книги отпускаются книгопродавцамъ со скидкою 30%, по истеченіи этого времени скидка понижается до 25%; расходы по пересылкѣ книгъ за счетъ заказчика.

Издательница М. К. Морозова.

Цѣна 75 к.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 047645913